Ксения Сергазина

Об Анне Степановой, крестьянке Костромской губернии, почитаемой за Богородицу

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-63-83

Xenia Sergazina

On Anna Stepanova, a Peasant from the Kostroma Uyezd, Revered as the Theotokos

Xenia Sergazina — Center for Religious Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). ksergazina@gmail.com

This paper examines the eighteenth-century Kostroma Christ-believers' community. It is based on the 1747 police investigation case against the merchant Ivan Krupennikov, held in the Fund of the Most Holy Synod at the Russian State Historical Archive. One of the important figures in the case was Anna Stepanova, a peasant from the Kostroma district, revered as the Theotokos. The paper introduces new archival materials and describes some religious practices of heterodox communities in eighteenth-century town of Kostroma.

Keywords: Christ-believers community, eighteenth-century Russia, Orthodoxy, heterodox communities, religious practices, Kostroma.

В центре статьи — костромская община христоверов XVIII века. В основе исследования лежит дело о купце Крупенникове 1747 года, сохранившееся в документах Святейшего Синода в Санкт-Петербурге, в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213). В последние годы к этому делу обращались Ю. Клэй[1] и А.С. Дедов[2].

1. Clay, E. (2012) "Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850", *Poverty and Prosperity in the Middle Ages and Renaissance*, pp. 225–239. Turnhout: Brepols.
2. *Дедов А.С.* Христы и богородицы христоверов: ритуальная роль и сакральный статус как фиксация религиозного опыта // Религиоведение. 2019. № 1. С. 130–136.

Сергазина К. Об Анне Степановой, крестьянке Костромской губернии, почитаемой за Богородицу // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(3). С. 63–83.

Sergazina, Xenia (2020) "On Anna Stepanova, a Peasant from the Kostroma Uyezd, Revered as the Theotokos", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(3): 63–83.

Основатели христовщины

Христовщина, или вера Христова, — религиозное движение, возникшее в России в конце XVII — начале XVIII века среди монашества, крестьян и посадских людей, объединенных симпатиями к традиционной православной аскетике и народной мистике. Более всего это движение ассоциируется с почитанием народных «христов» и «богородиц» и с экстатической практикой — радением с «плясками» и пророчествами. Христоверы не отделяли себя от православной традиции и посещали церковные богослужения. Вопреки расхожему о них мнению христоверы не отрицали икон и библейских текстов, со вниманием относились к церковному преданию — почитанию святых, толкованиям на Библию, почитали юродивых.

В целом движение характеризуется отсутствием централизованных общин и вариативностью религиозной практики. Важную роль в распространении христовщины играли странствующие монахи, торговцы и бродячие нищие.

Места возникновения первых собраний (соборов) христоверов — Москва, Венёв, Нижний Новгород, Углич, Кострома. Первые лидеры движения — Прокопий Лупкин (Москва, Нижний Новгород), Иван Суслов (Москва), Агафья (Анастасия) Карпова (Москва); легендарный основатель движения — Данила Филиппович (Кострома). Именно с именем Данилы Филипповича и связана настоящая статья.

Богородица из деревни Старая

29 октября 1747 года, как повествует нам дело о купце Крупенникове из РГИА, от Костромского епископа Сильвестра (Кулябки) в Санкт-Петербург, в Святейший Синод, был отправлен рапорт такого содержания: епископ доложил начальству, что получил из Синода указ, подписанный Елизаветой Петровной, о том, чтобы повторно допросили священника Борисоглебской церкви Костромы, о котором стало известно, что он в гостях у протоиерея соборной церкви рассказывал, что в деревне Старой есть некая Анна Степанова, которую почитают за Богородицу и которую якобы целуют в колено. Епископ сообщает также, что допрашивал священника дважды — и он все отрицает. В итоге священник был отправлен в монастырь трудником, а епископ отправил об этом рапорт в Синод.

Мы знаем, что почитание «богородиц» из народа — это одна из самых узнаваемых черт хлыстовства. Таких хлыстовских «бо-

городиц» мы, например, встречаем в рассказе Марины Цветаевой «Хлыстовки», или «Кирилловны», или в «Степном короле Лире» Тургенева — то есть ко времени написания этих текстов феномен хлыстовских «богородиц» становится общим местом в российской культуре. При этом мы не знаем до конца, о чем именно идет речь. Можно ли говорить о «ритуальном самозванстве», об отождествлении лидеров христовщины с Христом и Богородицей на радении или об уподоблении наставников Христу и Богородицы? Мы не можем понять или проверить, действительно ли наставники христоверов соотносили себя с Христом иначе, чем это принято в общехристианской традиции, и должны оставить за скобками вопросы их самоидентификации. Но мы можем описать, как они говорили о себе и как представляли себя в перформативном контексте, как видели их другие и какие нарративы это порождало.

Героиня дела 1747 года — крестьянка деревни Старой Костромского уезда Анна Степанова, «почитаемая за Богородицу».

Из документов дела мы знаем, что в 1747 году два заключенных острожника — Максим Балакирев, арестованный по обвинению в воровстве, и Карп Федотов, арестованный по обвинению в убийстве, — вероятно, желая облегчить свою участь, донесли сотрудникам Костромской провинциальной канцелярии о своих контактах с Анной Степановой, которую они шантажировали — просили вознаграждение за свое молчание: Карп Федотов — 60 рублей, а Максим Балакирев — 130 рублей. В Великий пост Анна передавала Карпу 10 рублей и Максиму — 30 рублей и потом еще 25 рублей. В это время сама Анна Степанова находилась в Костромской духовной консистории по обвинению в том, что она «имеет у себя раскольнические книги и содержит оную веру».

Кроме Анны Степановой в деле упомянуты Дарья Васильева, ее племянница, и Ефросиния Степанова, мать Дарьи и сестра Анны, а также названы по именам покойный отец Анны и Ефросинии Степан Якимов и их дед Данила Филиппов.

Из дела становится известным, что у Анны Степановой жил 20 лет беглый солдат Василий Михайлов, который умер (или был убит) на Покров. Это был один из поводов для доноса Максима Балакирева, который, впрочем, и сам был беглым солдатом и у той же Анны Степановой жил целый год (и об этом как раз хотел донести в Костромскую канцелярию Карп Федотов).

В деле сказано также, что Максим Балакирев, беглый солдат, в 1743 году, без всяких средств к пропитанию, попал в дерев-

ню Пшениху Коломенского уезда, где просил милостыню. Там он встретился с другим беглым солдатом — Алексеем Пшонкиным, который рассказал Максиму, что в дом к его отцу — Михаилу Ивановичу — в деревню Шибаниху Костромского уезда приезжала Анна Степанова из деревни Старой прихода села Криушева (Кривушева), вотчины Костромского Богоявленского монастыря[3]. В Шибанихе жила ее сестра Ефросиния. В доме Михаила Ивановича к приезду Анны Степановой устраивали «сидение»: «она, Анна, сидела в переднем углу под образами, перед которыми горели свечи, а прочие люди стояли и молились и пели стихи»[4]. Алексей Пшонкин[5] рассказал Максиму Балакиреву и о том, что эту Анну «признавали лже за Богородицу»[6] и называли — вместе с племянницей Дарьей Васильевой — «лжехристовыми внучатами»[7]. Знал он все это якобы от самой племянницы, с которой «жил блудно» и «прижил ребенка».

Сидения со свечами устраивали и в других домах, например, в деревне Крупиной Костромского уезда, у крестьянина Ивана Ильина. Именно это собрание Максим Балакирев смог наблюдать сам, подсматривая за собравшимися в «избное окно».

Иногда на собрания в Костромской уезд приезжали и москвичи — в том числе Яков Кузьмин, Иван Андреев и купец Иван Петрович Крупенников.

О легендарном деде Анны Степановой мы узнаем из показаний Карпа Федотова, жителя той же или соседней деревни. По его словам, «про оных Анну и про деда ее того ж села Криушева крестьянина Данила Филипова слыхал [он] говоренные слова от многих Костромского уезда крестьян, а от кого-де, не помнил, оной де Аннин дед Данило назывался лжехристос и за то-де в Костроме был бит кнутом, которой-де в прошлых давних годех умре

3. Может быть, именно с этим монастырем связывает хлыстовская традиция арест Данилы Филипповича. Ср.: «И сведал про то патриарх Никон, и стал он «превышнего Бога» преследовать, преследовал тридцать лет, и поймал у Макария Нижегородскаго. И послал он ««превышнего Бога», Данилу Филипповича, в темницу темную в Богоявленский монастырь» (Цит. по: *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование. М., 1872. С. 75–83).

4. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. По доношению той же комиссии оказавшихся в квакерской ереси людях, в том числе и о купце Крупенникове, 26 августа 1747 года. Л. 1 об.

5. Примечательно, что Алексей Пшонкин упомянут и среди колодников второй следственной комиссии о раскольниках. См. РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 93. Л. 28 об.

6. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213.

7. Там же.

и погребен в селе Криушеве при церкви и над ним была часовня» (по версии костромского протоиерея, часовня была над могилой отца[8], а не деда, и не при церкви, а в лесу[9]).

Данила Филиппович и московская община купца Крупенникова

Хлыстовская традиция XIX века считает Данилу Филипповича основателем движения, взошедшим на гору Городину в 1700 году и ставшего Богом Саваофом[10]. Долгое время я считала, что в этой истории подлинного нет ничего, даже имени героя. Однако коллеги не сомневаются в том, что Данила Филиппович был исторической личностью: А.И. Клибанов писал о нем как «не о легендарном, а о реальном основателе [христововерия], почитавшемся за Христа и пророка»[11]; Юджин Клэй в своей статье 2012 года предлагает отождествлять Данилу Филипповича из костромских хлыстовских легенд с упомянутым в деле 1747 года дедом Анны Степановой и считает, что именно его могилу почитали в деревне Старой[12]. Кроме того, из книги И.М. Добротворского мы знаем также, что Данила Филиппович сбежал с военной службы и жил в деревне Старой у своего брата Федора Филипповича[13]. Но как вышло, что почитание костромича стало общероссийским?

По всей видимости, Данила Филиппович становится героем легенд не только костромских, но и московских, именно с 1747 года.

В первой половине XIX века в Москве эти легенды еще передавали в хлыстовских общинах. Так, одна из крестьянок московской общины Марьи Борисовой (1837) говорила на допросе, что «Данилы Филипповича не знавала, но слыхала от людей, что он

8. Там же. Л. 8, 8 об.
9. Там же. Л. 2 об.
10. См., напр.: *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование. М., 1872. С. 75–83.
11. *Клибанов А.И.* Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства // Россия на путях централизации. М., 1982.
12. Clay, E. “Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850”, p. 225–239.
13. *Добротворский И.* Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869. Л. 7.

был человек честный и благочестивой жизни, слышала тако ж, что он помер ста лет»[14].

О нем же рассказывает в рапорте митрополиту Филарету священник московской Панкратовой церкви, что у Сухаревой башни, Федот Дмитриев: «Сначала был перекрещенец, и потому имел много старообрядческих книг; потом, основывая свою секту, распускал о себе молву, что он не имел земного начала и сошел с небес от Бога, и потому имеет непосредственное сношение со Святым Духом, от котораго получает наставления, по коим творил чудеса — посему все свои книги кинул в реку Волгу, так како ненужныя и установил не иметь книжнаго научения, а руководствоваться преданиями и вдохновениями их пророков и пророчиц»[15]. По легенде, в Москве у Сухаревой башни, на Третьей Мещанской улице, в доме Андреяна Петрова, хранились некоторые реликвии, связанные с Данилой Филипповичем. Здесь нужно обратить внимание на упоминание Андреяна Петрова — одного из лидеров московской христовщины середины XVIII века. Он содержал «на своем коште» две кельи в Варсонофьевском монастыре, где жили девицы, разделявшие учение христовщины[16]. А рядом с этим монастырем жил купец Иван Крупенников, так же как и Андреян Петров устраивавший в своем доме собрания. И именно на этих собраниях у Ивана Крупенникова пели костромские стихи с упоминанием Данилы Филипповича.

Иван Крупенников был допрошен по тому же делу, что и Анна Степанова, поскольку принимал ее у себя в Москве и сам приезжал в деревню Старую. В допросе он упоминает о собраниях, которые он проводил в своем доме на именины сестры и матери (обе они Анны). И среди прочего указывает, какие тексты пели на собрании. В этих текстах звучит и имя Данилы Филипповича — с припиской «гость дорогой, батюшка родной»[17]. Скорее всего, это фрагмент духовного стиха, привезенного в Москву из Костромы.

Любопытно, что упоминается Данила Филиппович в цепочке церковных молитв: «Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович», «Сын Божий, помилуй нас», «Христос воскресе» («Воистину воскресе»). Причем, в рукописи слова «Данила

14. РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 103 об. Показания некоторых хлыстов, взятых в Москве, в сборище, в 1837 году.

15. РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 1291. Л. 6.

16. РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 24. Л. 57.

17. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 98 об.

Филиппович» и «Сын Божий» остались на одной странице дела (л. 98 об.), а слова «помилуй нас» — на следующей (л. 99). По всей видимости, такой порядок слов и породил путаницу и своего рода «богословскую коллизию» на много веков вперед: из-за отсутствия пунктуация в тексте допроса имя Данилы Филипповича слилось с титулом «Сын Божий» — и в риторике по крайней мере членов следственных комиссий закрепился миф об обожествлении Данилы Филипповича. В тексте без запятых и кавычек однозначно читалось «Данила Филиппович Сын Божий».

Таким образом, купец Иван Петрович Крупенников мог быть одним из тех, благодаря кому почитание Данилы Филипповича распространилось в Москве, в общине, так или иначе связанной с Варсонофьевским монастырем и Андреяном Петровым.

О самом Иване Крупенникове известно, что он рано остался без отца, и его дядя Степан Савельев привез Ивана Петровича в Москву из деревни Акуловой Ростовского уезда, где жили его родители — крестьяне Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости Петр Никитин и Анна Мокеева. В Москве он устроил Ивана Петровича в приход церкви Смоленской Богородицы, что на Арбате, к калачнику Павлу Алексееву в работники, месяцев на десять, а потом к купцу Конюшенной слободы Савве Дмитриеву. Иван Петрович прожил у купца Дмитриева восемь лет, торговал в его лавке за Воскресенскими воротами мукою, а потом, накопив денег, снял угол в избе на Сретенке и перевез туда свою мать Анну Макевну и сестру Анну Петровну. В то время Иван Петрович был знаком с Игнатием Федоровым, «записным в раскол», то есть старовером, и с Иваном Федоровым Сайкой, портным, «оброчным крестьянином царевны Екатерины Алексеевны». В документах он назван «стариком» — и не вполне понятно, это указание на его возраст или на его монашество. Известно однако, что именно Иван Сайка учил Ивана Петровича Крупенникова христовщине, рассказывая по книгам и устно о том, как можно достичь спасения через отказ от сексуальных удовольствий. «Иван Федоров сын Сайка ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истину оную чистоту и девство принял и исполнял и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает»[18], — так говорит об этом Иван

18. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.

Петрович в своем допросе. Через несколько лет Иван Петрович обзавелся и своим двором, и своей лавкой, и даже своими работниками, и торговал вместе с «оброчным крестьянином помещика Сомова Яковом Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах»[19]. Про Якова Козмина он рассказал, что «оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец» и учил его, Крупенникова, как и Иван Сайка, чтобы он «жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением»[20].

С того времени Иван Петрович Крупенников начал проводить в праздничные дни и в именины матери и сестры собрания в своем доме близ Варсонофьевского монастыря. Мы видим, что он не был женат в свои 59 лет и что его мать и сестра также разделяли ценности христоверов.

«Лжехристовы внучата»

В деле 1747 года не только упомянуто почитание могилы Данилы Филипповича, но и названы ее хранители — «лжехристовы внучата», что позволяет Ю. Клэю говорить об особой традиции, которая передается от Данилы Филипповича по женской линии — сначала к Анне Степановой в XVIII веке, а потом к Ульяне Васильевой[21], считавшейся последней в его роду, — в XIX веке[22].

При этом, нужно заметить, рассказывают об этих сакральных статусах не сами христоверы, а их обвинители — шантажисты Максим Балакирев и Карп Федотов, которые хотят получить с «лжебогородицы» денег, и костромское духовенство.

Из острога Максим Балакирев пишет Анне Степановой письмо, в котором требует прислать ему 130 рублей в обмен на то, что он не будет доносить, что она «содержит особую веру» и скрывала у себя в доме много лет беглого солдата, которого к тому же убил «приемыш» ее сестры Степан Афанасьев с его подельником. Все эти подробности стали известны Максиму, потому что он сам как

19. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.

20. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.

21. См. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. В этом деле 1837 году упоминается, что в деревне Старой жила Ульяна Васильева, «почитаемая хлыстами за их Богородицу», которая в том числе «делает поминовение родителям и предкам своим, в числе коих есть и Данило, все они похоронены при церкви, уже древней, в означенном селе [Криушеве]» (Л. 28).

22. Clay, E. “Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850”, p. 225–239.

беглый солдат год жил в доме Анны Степановой (донести об этом как раз и грозился Карп Федотов).

Максим Балакирев упоминает, что однажды, подсматривая в окно, видел все происходящее на «сидении», на котором присутствовала Анна Степанова:

> Он, Балакирев, пришел в помянутую деревню Крупино для присматривания, и как он, Балакирев, оного крестьянина Ильина к дому снова пришел и смотрел в избное тайно окно и увидел: объявленная Анна в той избе сидит в углу, где поставлены иконы и перед ними горят восковые свечи, а перед нею, Анною, стоят оного ж князя Голицына крестьянские девицы <...>, и в ту-де пору оные все крестились двоеперстным сложением, и кланялись вышеписанной Анне, единогласно пели стихи, говоря такие речи: Введенье, введенье, откуда дева ведена, ведена дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божия сотворен, богородица-девица, небесная царица; и увидев, он, Максим, то их богомолье от того ж окошка тайно ж отошел[23].

Здесь мы, вероятно, видим духовный стих, восходящий к богослужебным текстам праздника Введения Богородицы во храм (припевам на 9 песне канона и задостойнику): «Ангели схождение Пречистыя зряще удивишася — како Дева вниде во святая святых». Здесь тот же мотив: Святая Святых / Престол, вход / введение, соединение Неба и Земли.

Другой вариант стиха на Введение мы находим в сборнике Василия Степанова: «Веденье Пречистая Богородица / Ангели удивилися / Како дева ведена / Она Спасова дитя»[24]. А.А. Панченко, ссылаясь на Н. Урбанского, Т.С. Рождественского и М.И. Успенского, указывает, что именно этот стих пели по время привода в общину христоверов новых членов[25]. Если это и так, на мой взгляд, нет оснований утверждать, что слова стиха «Богородица девица — Небесная Царица» относятся к Анне Степановой или говорят о ее ритуальном отождествлении с Богородицей, как счи-

23. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 1 об., 2.

24. Духовные песни христовщины (публикация А.А. Панченко) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М.: Индрик, 2002; *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. С. 437.

25. *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. С. 458–459.

тает Ю. Клэй[26]. Скорее всего, речь идет об общеправославном фольклоре.

О собрании Максим Балакирев рассказывал и в Костромской провинциальной канцелярии. А его «сообщник» Карп Федотов добавляет, что «тому назад два года видал он, Карп, с соседями своими в разные времена в селе Рождестве и в селе Козуре, в которых местах для гуляния бывает людей множество, помянутая Анна при тех местах во время гуляния ходила и за нею многия люди мужеска и женска полу с великим почтением снимали шапки и приносили к ней калачи, пряники, квасу»[27].

Мы видим здесь особое почитание Анны Степановой — ее уникальный статус в деревне, по крайней мере среди определенной части жителей. Считали ли ее святой, юродивой или почитали как хлыстовскую наставницу, не очень понятно. Упоминание кваса и калачей, вроде бы, отсылает нас к ритуальной трапезе христоверов — нередко именно так заканчивались радения, что делало возможным говорить о так называемом «хлыстовском причастии», восходящем, вероятно, к монастырскому чину о Панагии[28]. Но в то же время и квас, и калачи — повседневная еда того времени.

Далее Карп Федотов рассказывает, что его дед, еще до своей смерти, предостерегал внука от общения с Анной Степановой:

> Дед его, Михайло Семенов, который умре, при жизни своей про означенную Анну сказывал, что-де она и согласники ее, а кто именно, не объявлял, содержат не нашу веру, и крест переменили, и крестятся не по указу, и запрещал ему, Карпу, чтоб с нею и с теми, кто с нею, соединяться, отнюдь не знаться[29].

И продолжает:

> Оные все имеют раскол и крестятся двоеперстным сложением да оные-де крестьянские женки и девки и другие, а кто именно не показал, по праздникам и по воскресным дням приезжают

26. Clay, E. “Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850”, pp. 225–239.

27. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 3, 3 об.

28. См.: *Сергазина К.Т.* Хождение вкруг: Религиозная практика первых хлыстовских общин. М.-СПб., 2017. С. 100–108, 114–116.

29. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 3.

> к Анне в дом и бывает по ночам со свечами сидение и поют стихи, а какие, того не знает[30].

При этом о тех, кто угощал Анну Степанову квасом, пряниками и калачами, в допросе Карпа Федотова говорится, что «оные все имеют раскол и крестятся двоеперстным сложением»[31].

В допросе Дарья Васильева рассказала, что ее тетка Анна «держалась в Костромской духовной консистории, незнаемо по чьему доносу, будто она, Анна, имеет у себя раскольнические книги и содержит оную веру»[32]. В то же время сама Дарья говорит, что «она, Дарья, и тетка ее Анна содержат веру христианскую, и в церковь ходят и во вся годы исповедываются и святых тайн приобщаются, и у оной тетки ее имеется отец духовный села Криушева поп Родион Иванов, а у нее другой отец духовный села Егорьевского поп Григорий Алексеев, и за оною-де ее теткою Анною никакого расколу и ереси она, Дарья, не знает»[33].

Здесь мне кажется уместным вспомнить тезис А.С. Лаврова о том, что для середины XVIII века характерно бытование обеих форм обряда — и двоеперстие, например, может быть никак не связано со староверческой идентичностью[34].

В ходе следствия выяснилось, что Анна Степанова 27 февраля 1747 года уже была арестована по доносу прот. Иакова Борисова, священника Успенского собора в Костроме, в котором говорилось, что она «содержит некое богомерзкое суеверие». В письменном доносе протопоп говорил, что в деревне Старой села Криушева, вотчины Костромского Богоявленского монастыря, в дом «к крестьянской девке Анне, Степановой дочери, приезжают разные люди и чинят ей поклонение, и целуют в колено, и почитают ее за Богородицу»[35] и что он «о том-де не объявлял, вменяя то в народные басни». Он же рассказал, что слышал от умершего ключаря их собора Ивана Герасимова, что на могиле ее отца стоит часовня[36].

30. Там же.
31. Там же. Л. 3.
32. Там же. Л. 5.
33. Там же.
34. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740. М., 2000. С. 65.
35. Там же. Л. 8.
36. Там же. Л. 8 об.

О часовнях на могилах предков и о почитании ее за «богородицу» сама Анна в деле рассказывает так: «Такового к ней почитания, что ей молятся и почитают за богородицу, ни от кого не слыхала и *сама таковым званием она не нарицается*, и моления ей никто не приносит, и грамоте и писать она не учена и не знает, надо отцом-де ее умершим Стефаном Якимовым, который погребен в том селе Криушеве при церкви над могилою, с позволения бывшего в Костромском Богоявленском монастыре архимандрита Иова построила она деревянный обруб с покрышкою и для хождения в тот обруб сделаны дверцы небольшие, тако ж и над могилою дедовой и матери ее сотворен такой же обруб, а кем, не помнит»[37]. Стало быть, обе часовни находились на церковном кладбище, а не в лесу. И это были не просто сени, а именно часовенки, в которых «отправляли большие панихиды». В деле однажды называют их «гробницами» и упоминают, что внутри находились иконы — «Иоанн Предтеча, на нем вверху изображен Господь Саваоф, благословляющая рука изображена с двоеперстным сложением», «Богоявление Господне, на котором благословляющая рука с двоеперстным сложением»[38]. Эта отсылка к празднику Крещения и к фигуре Иоанна Крестителя как одного из главных героев этого события кажется мне любопытной. В более поздней хлыстовской ритуалистике и Крещение как праздник, и крещенские тропари имели особое значение[39]. Кроме того, нужно отметить, что на иконе было изображение Саваофа — ведь именно с Саваофом народные легенды отождествляют Данилу Филипповича как легендарного основателя христовщины — и вдруг именно эта икона на могиле. Причем, я уверена, что здесь первична именно икона — сначала этот конкретный предмет появился в часовне, а уже потом возникает легенда, которая, может быть, и вовсе никак не связана с этой могилой, а может быть, связана непосредственно — как память о месте и о человеке.

О себе Анна рассказала, что она «в жизнь-де свою с малолетства исповедуется и святых тайн приобщается повсегодно

37. Там же. Л. 9 об.

38. Там же. Л. 10.

39. В Истории распоряжений по расколу Н. Варадинов дает описание «привода» в христовщину одного из монастырских послушников (г. Юхнова Смоленской губернии) — и в этом описании мы видим пение крещенского тропаря (*Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Кн. 8. История распоряжений по расколу. СПб., 1863. С. 85).

и крестное на себе знамение изображает троеперстным сложением, и в церковь Божию для слушания божественного пения в воскресные и праздничные дни приходит, а раскольства никакого не творит и не знает и с раскольническими учителями и прочили раскольниками не знается, и в дом к ней сторонние разные люди никто приездом не бывает»[40].

Обвинение, впрочем, не подтвердилось, «суеверия за помянутою девкой Анной не оказалось» и она была «на добрые и вероятные поруки свобождена». Как в тот раз, так и в этот Анна Степанова была признана невиновной. Однако в ходе следствия 1747 года выяснилось, что Анна «по усмотрению присутствующих явилась к болезни, к тому ж она оказалась в безумии и расспрашивать ее никак не можно, чего ради она в том и не спрашивана»[41]. Более того, еще в ходе следствия Анна Степанова, которой было больше 60 лет, умерла.

Может ли для нас констатированное следствием «безумие» Анны Степановой быть указанием на возможное почитание ее как юродивой и могут ли калачи, пряники и квас быть элементами такого почитания — вопрос открытый.

Выводы

Материалы дела 1747 года заставляют иначе посмотреть на концепцию христовских «христов» и «богородиц» и историю Данилы Филипповича. Мы видим, как небрежность писаря могла стать поводом для возникновения особого почитания Данилы Филипповича не только в Костроме, но и в Москве.

Кроме того, можно заметить, что ассоциативный ряд между христовщиной и «лжехристами» или «лжебогородицами» возникает еще в первой половине XVIII века в церковной среде — как один из полемических аргументов. При этом христовщина сама этого термина не принимает, хотя почитаемые наставницы в этой культуре есть.

Упоминание о «богородицах» мы встречаем в деле дважды, можно даже сказать, что мы имеем две легенды об Анне Степановой как «богородице». Авторы первой из них — шантажисты Максим Балакирев и Карп Федотов, которые следователям рассказывают об Анне Степановой как о «лжебогородице». Ав-

40. Там же. Л. 9, 9 об.

41. Там же. Л. 7.

торы второй — костромское духовенство. Впрочем, возможно, легенды духовенства восходят к легенде шантажистов: Максим Балакирев и Карп Федотов из острога писали письма Анне и племяннице ее Дарье, но они сама не умели читать — а потому просили прочесть им эти письма местного дьячка. Духовенство, таким образом, оказалось в курсе легенды Максима Балакирева.

При дальнейшем расспросе оказалось, что духовенство от своих слов отказывается, называя эти истории «народными баснями», но для нас важно даже не столько, кто именно был автором этой легенды, сколько то, что она бытовала в церковных кругах Костромы, в частности — в Успенском соборе, вместе с другим рассказом — о часовне на могиле ее отца при церкви села Криушева. В ходе следствия духовенство криушевской церкви рассказало, что часовен было даже две — на могиле отца Анны Степановой и на могиле ее деда и ее матери. Обе часовни построены Анной, и в одной из них — дедовой — приходские попы «отправляли по наказу той девки большие панихиды»[42]. Отчасти упоминание панихид говорит о том, что местное духовенство не считало Данилу Филипповича «лжехристом», как не считало «лжехристами» Ивана Суслова и Прокопия Лупкина духовенство московского Ивановского монастыря, тоже ежегодно служившее панихиды на их могилах по просьбе родственников. Впрочем, и об особом почитании этих людей как святых говорить нет оснований: все-таки панихиды — не молебны.

Кроме того, в деле упоминается указ 14 ноября 1737 года, согласно которому духовным лицам под страхом лишения сана, битья плетьми и ссылки в монастырь предписывалось доносить, «не делается ли где каких суеверий, не проявляет ли кто для скверно-прибытчества каких при иконах святых, при кладезях и источниках ложных чудес и мертвых несвидетельствованных телес не разглашается ли к почитанию их за мощи истинных святых, не являются ль где кликуши и притворные богородицы и босые, также с колтунами и прочие»[43]. Примечательно и место, которое отведено «притворным богородицам» в указе — между кликушами и юродивыми.

42. Там же. Л. 9.

43. Там же. Л. 10 об.

Приложение 1

Святейшему правительственному Синоду доношение

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из Святейшего правительствующего Синода, отправленный сентября 30 дня 1747 года под № 1431-м по делу о производившемуся в Духовной моей консистории вотчины Костромского Богоявленского монастыря села Криушева деревни Старой о девке Анне Степановой, мною, нижеподписавшимся, получен сего октября 18 дня,

по которому повелено города Костромы церкви Бориса и Глеба попа Федора Семенова о произносимых Костромского Успенского собора протопопу Иакову о помянутой девке и его речах, как в прежних его, поповых, речах показывано, испытуя самая сущая правды, если он, поп, и доныне в том не признался, еще допросить его под истязанием накрепко и что по тому окажется, прислать Святейшему Синоду репорт, а его, попа, до указу содержать в монастырских трудах под крепким присмотром,

и по силе того ее императорского величества указа в Духовной моей консистории вышеобъявленной Костромской Борисоглебской церкви поп Федор под наикрепчайшим истязанием спрашиван, который в допросе показал: мая 1 дня сего 1747 года, будучи в доме у Костромского соборного протопопа Иакова показанных в доношении оного протопопа речей, что б того дела, которое до него в Консистории касается, не боялся, а-де села Криушева деревни Старой о девке Анне Степановой, что ее почитают за Богородицу, слышал, в чем и доказать могу, при солдате Банникове подлинно не говаривал, в чем-де он, поп Федор, утверждается, тако ж и таких речей, что в пополнение объявленной солдат Банников показал, что оную девку в колено целует, подлинно ж не говаривал, и во всем утверждается на прежних своих допросных речах, почему и вторично при персональном моем присутствии оной же поп Федор с немалым от меня увещанием о том же спрашиван, но во всем состоит на прежних своих допросех, что показанных произносимых о девке слов протопопу подлинно не говаривал, в чем утвердился,

и по исполнении оного мною, нижеподписавшимся, определено помяненного попа Федора для содержания в монастырских трудех под крепким присмотром отослать в Костромской Богоявленский монастырь, который сего ж октября 24 дня при

указе и отослан, о чем вашему святейшеству сим благопочтенно репортую.

Вашего святейшества нижайший послушник

Смиренный Сильвестр [Кулябка], епископ Костромский и Галицкий

Октября, 29 дня, 1747 года

РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. По доношению той же комиссии оказавшихся в квакерской ереси людях, в том числе и о купце Крупенникове, 26 августа 1747 года. Рукописный подлинник. Л. 44–45.

Приложение 2.

Святейшему правительствующему Синоду от следственной о раскольниках комиссии доношение

Сего 1747 году в присланных в оную комиссию из Костромской провинциальной канцелярии июня 30-го [дня] доношений да Святейшего правительствующего Синода из конторы приказах июля 3 числа с доношения, поданного в ту контору от преосвященного Сильвестра, епископа Костромского и Галицкого, копии, написано, а именно: из Костромской канцелярии в доношении мая 27 дня содержащейся при оной Костромской канцелярии в тюрьме на остроге колодник беглый солдат Максим Балакирев объявил караульному солдату, чтоб его для некоторого дела допустил в присутствие, почему он, Балакирев, во оную правительственную канцелярию приведен и распрашиван, а в расспросе показал: в прошлых годех, назад тому года с четыре, Коломенского полку беглый солдат Алексей Пшонкин, который, бегая, жительство имел у отца своего в Костромском уезде вотчины графа Андрея Симонова сына Гендрикова села Спиридонова в деревне Пшениха у крестьянина [л. 1 об.] Михаила Иванова, как он, Максим, был в бегах и пришел во оную деревню для прошения милостыни, то сшелся с ним в той деревне помянутый Пшонкин и пошли они в лес близ той деревни, и он-де Пшонкин между прочих разговоров ему, Балакиреву, говорил, что-де Костромского Богоявленского монастыря села Криушева деревни Старова девка Анна Степанова, быв у сестры своей родной, вотчины объявленного графа Гендрикова села Спиридонова в деревне Шибанихе, у вдовы Афросинии Степановой, приехала к отцу его, Пшонкина, Михаилу Иванову в дом, и в том же-де доме было си-

дение: она, Анна, сидела в переднем углу под образами, перед которыми горели свечи, а прочие люди стояли и молились и пели стихи, а кто именно люди стояли, того оной Пшонкин ему, Балакирев, не объявил; и при том он, Пшонкин, объявил: оную-де Анну признавали лже за богородицу, а ныне-де Анна в гостях у оной Афросинии, а поедет-де в вотчину Костромского уезду князь Николая княж Александрова сына Голицына села Сунгурова в деревню Крупино к крестьянину Ивану Ильину, и будет-де в доме его сидение и будет она Анна Степанова с племянницею своею девкой Дарьей Васильевой, которая жительство имеет у ней, Анны, в деревне Старой, называются лжехристовыми внучатами, и по тем-де его, Пшонкина, словам он, Балакирев, пришел в помянутую деревню в Крупино для присматривания и как он, Балакирев, оного крестьянина Ильина к дому снова пришел и смотрел в избное тайно окно и увидел: [Л. 2] объявленная Анна в той избе сидит в углу, где поставлены иконы и перед ними горят восковые свечи, а перед нею, Анною, стоят оного ж князя Голицына крестьянские девицы: деревни Крупина Ирина Лаврентьева, деревни Раменья Авдотья Иванова, да оного Пшонкина сестра девка ж, которая жительство имеет в показанной деревне Пшенихе у отца своего Михаила Иванова, а как ее звать, того не упомнил и с коим она лицом — смугла, росту среднего, да той же деревни Пшенихи вдова Варвара Иванова с дочерью своею, а как зовут, не знает же, да крестьянский сын Никита Фролов, да означенного Ивана Ильина жена Дарья Козмина и в ту-де пору оные все крестились двоеперстным сложением и кланялись вышеписанной Анне, и единогласно пели стихи, говоря такие речи: Введенье, Введенье, откуда дева ведена, ведена дева, с неба на землю, на землю, Престол ради сына Божия сотворен, Богородица-девица, Небесная Царица; и увидев он, Максим то их богомолье от того ж окошка тайно ж отшел; а сего-де году во время содержания его колодник Петр Семенин по просьбе его, Балакирева, написал означенной Анне письмо, что он, Балакирев, о их молитве и что они называются лже христовы внучки знает, и [чтоб] он-де о том умолчал, прислала б за то денег сто тридцать рублев, и то письмо отдал он для отвозу к ней, Анне, Костромского Ипацкого монастыря деревни Марфина бабе, а как ей имя, не знает, но токмо-де она, приходя к острогу, к содержащемуся колоднику Капру Федотову [л. 2 об.], подавала милостыню; и по тому письму оная Анна выше-

объявленного графа Гендрикова деревни Шибанихи с крестьянином Лаврентьем Никитиным да Костромского Богоявленского монастыря деревни Григорова с крестьянином же Логином Федоровым сего году в Великий пост присылала денег дважды — в первый тридцать, во второй — двадцать пять рублей, да помянутый Пшонкин ему, Балакиреву, сказывал: к оной-де Анне для моления приезжает москвич Иван Петров сын Крупенин, Яков Козмин и другие — повсегодно перед праздником Рождества Христова, и в разные времена крестьяне мужеска и женска полу, а племянница ее, Аннина, Дарья с показанным Пшонкиным жила блудно и прижила ребенка; и по тем же вышеписанным Максима Балакирева показаниям вышепомянутый Карп Федотов взят в присутствие и расспрашиван, а в расспросе показал: он-де, Карп, про оных Анну и про деда ее того ж села Криушева крестьянина Данила Филипова слыхал говоренные слова от многих Костромского уезда крестьян, а от кого-де, не помнил, оной де Аннин дед Данило назывался лже Христос и за то-де в Костроме был бит кнутом, которой-де в прошлых давних годех умре и погребен в селе Криушеве при церкви и над ним была часовня, и тому назад два года видал он, Карп, с соседями своими в разные времена в селе Рожестве и в селе Козуре, в которых местах для гуляния бывает людей множество, помянутая Анна при тех местах во время гуляния ходила, и за нею многие люди мужеска и женска полу с великим почтением снимали шапки [Л. 3], и приносили к ней калачи, пряники, квасу, из которых при том были тоже Богоявленского монастыря села Криушева вотчины деревни Голицына крестьяне Семен Степанов да его сестры родные девки Наталья и Февронья, деревни Федотьевой Иван Артамонов с сестрою девкой Татьяною, Троицы Ипацкого монастыря села Кошева деревни Титовское крестьянская девка вдова Пелагея Васильева дочь, да работница ее Дарья Максимова, да живущие у них ж Крестовоздвиженского монастыря села Поноцкого деревни Синцовой крестьянин Карп Филипов, да приходящие к ней временно костромит посадский человек Андрей Мартынов, и оные все имеют раскол и крестятся двоеперстным сложением да оные-де крестьянские женки и девки и другие, а кто именно не показал, по праздникам и по воскресным дням приезжают к Анне в дом и бывает по ночам со свечами сидение, и поют стихи, а какие, того не знает; да ему ж, Карпу, дед его Михайло Семенов, который умре, при жизни своей про означенную Анну сказывал,

что-де она и согласники ее, а кто именно, не объявлял, содержат не нашу веру, и крест переменили, и крестятся не по указу, и запрещал ему, Карпу, чтоб с нею и с теми, кто с нею, соединяться, отнюдь не знаться; да у ней, Анны, жил беглый солдат Василий Михайлов двадцать лет — по печатному пашпорту, который брал у московского жителя Ивана Петрова сына Крупенникова, Якова Кузьмина <...>

РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. По доношению той же комиссии оказавшихся в квакерской ереси людях, в том числе и о купце Крупенникове, 26 августа 1747 года. Рукописный подлинник. Л. 1–3.

Библиография / References

Архивные материалы

РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 24. О строителе Богословской пустыни Московского уезда иеромонахе Дмитрии Гусеве, княжне Дарье Хованской и людях ее Ивана Савельеве, Сергее Никифорове, Василии Егорове и Аксинье Петровой по обвинению в бытии на сборищах, 21 марта 1745 год.

РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. По доношению комиссии оказавшихся в квакерской ереси людях, в том числе и о купце Крупенникове, 26 августа 1747 года.

РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 1291. Об открывшейся в Москве секте хлыстов.

РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Показания некоторых хлыстов, взятых в Москве, в сборище, в 1837 году.

Литература

Духовные песни христовщины (публикация А.А.Панченко) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М.: Индрик, 2002. С. 478–504.

Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. 1. Христовщина. Т. 1. Пг, 1915.

Анисимов Е. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 1999.

Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Кн. 8. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.

Дедов А. С. Христы и богородицы христоверов: ритуальная роль и сакральный статус как фиксация религиозного опыта // Религиоведение. 2019. № 1. С. 130–136.

Добротворский И. Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869.

Клибанов А. И. Некоторые идеологические формы социального протеста рус. крестьянства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 239–250.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000.

Нечаев В.В. Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. Отд. II. С. 77–199.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004.

Реутский Н. В. Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование. М., 1872.

Сергазина К.Т. Хождение вкруг: Религиозная практика первых хлыстовских общин. М.-СПб., 2017.

Archival materials

RGADA. F. 302. Op. 1. D. 24. O stroitele Bogoslovskoi pustyni Moskovskogo uezda ieromonakhe Dmitrii Guseve, kniazhne Dar'e Khovanskoi i liudiakh ee Ivana Savel'eve, Sergee Nikiforove, Vasilii Egorove i Aksin'e Petrovoi po obvineniiu v bytii na sborishchakh, 21 marta 1745 god [On the builder of the Theological Desert of the Moscow District, Hieromonk Dmitri Gusev, Princess Daria Khovanskaya, and her people, Ivan Savelyev, Sergei Nikiforov, Vasily Egorov, and Aksinya Petrova, on charges of being at the assembly, 21 March 1745].

RGIA. F. 796. Op. 28. D. 213. Po donosheniiu komissii okazavshikhsia v kvakerskoi eresi liudiakh, v tom chisle i o kuptse Krupennikove, 26 avgusta 1747 goda [On the denunciation of the commission to people who found themselves in Quaker heresy, including the merchant Krupennikov, August 26, 1747].

RGIA. F. 796. Op. 118. D. 1291. Ob otkryvsheisia v Moskve sekte khlystov [About the Xlysty Sect that opened in Moscow].

RGIA. F. 1473. Op. 1. D. 70. Pokazaniia nekotorykh khlystov, vziatykh v Moskve, v sborishche, v 1837 godu [Testimonies of some xlysty taken in Moscow, in the collection, in 1837].

Literature

Aivazov, I.G. (1915) *Materialy dlia issledovaniia russkikh misticheskikh sekt. Vyp. 1. Khristovshchina. T. 1* [Materials for Research of Russian Mystical Sects. Episode. 1. Khristovshchina. T. 1]. Pg.

Anisimov, E. (1999) *Dyba i knut: politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Strappado and whip: political detective and Russian society in the XVIII century]. M.: NLO.

Clay, E. (2012) "Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850", in *Poverty and Prosperity in the Middle Ages and Renaissance*, pp. 225–239. Turnhout: Brepols.

Dedov, A.S. (2019) "Khristy i bogoroditsy khristoverov: ritual'naia rol' i sakral'nyi status kak fiksatsiia religioznogo opyta" [Christ and the Mother of God of Christ: ritual role and sacral status as fixation of religious experience], *Religiovedenie* 1: 130–136.

Dobrotvorskii, I. (1869) *Liudi Bozhii. Russkaia sekta tak nazyvaemykh dukhovnykh khristian* [The People of God. Russian sect of so-called spiritual Christians]. Kazan'.

Klibanov, A.I. (1982) "Nekotorye ideologicheskie formy sotsial'nogo protesta rus. krest'ianstva" [Some ideological forms of social protest of Rus. peasantry], in *Rossiia na putiakh tsentralizatsii*, pp. 239–250. M.

Lavrov, A.S. (2000) *Koldovstvo i religiia v Rossii. 1700–1740 gg*. [Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740]. M.: Drevlekhranilishche.

Nechaev, V.V. (1889) "Dela sledstvennye o raskol'nikakh komissii v XVIII veke" [Investigative cases about dissenters of commissions in the XVIII century], *Opisanie dokumentov i bumag, khraniashchikhsia v Moskovskom arkhive Ministerstva iustitsii*, pp. 77–199. M., 1889. Kn. 6. Otd. II.

Panchenko, A.A. (2004) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and Skopstvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. M.: OGI.

Panchenko, A.A. (ed.) (2002) "Dukhovnye pesni khristovshchiny" [Spiritual Songs of Khristovshchina], *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov,* pp. 478–504. M.: Indrik.

Reutskii, N.V. (1872) *Liudi Bozh'i i skoptsy. Istoricheskoe issledovanie* [The People of God and the Ospots. Historical research]. M.

Sergazina, K.T. (2017) *Khozhdenie vkrug: Religioznaia praktika pervykh khlystovskikh obshchin* [Walking around: Religious Practice of the First Xlysty Communities]. M.-SPb.

Varadinov, N. (1863) *Istoriia Ministerstva vnutrennikh del. Kn. 8. Istoriia rasporiazhenii po raskolu* [History of the Ministry of Internal Affairs. Book 8: History of Divisional Orders]. SPb.